

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 19(80) Ноябрь 2018 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ.....	3
1. ЗАИМСТВОВАНИЯ КОРПОРАЦИЙ: УСИЛЕНИЕ РОЛИ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА М.Хромов, Е.Худько	5
2. ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В III КВАРТАЛЕ 2018 ГОДА: ОКОЛОНУЛЕВОЙ РОСТ А.Каукин, Е.Миллер	9
3. ИНДЕКС АДАПТАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ: КРУПНЫЕ ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ ЛУЧШЕ С.Цухло	13
4. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ: РАССЛОЕНИЕ ДОХОДНЫХ И ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП Е.Авраамова, Д.Логинов	16
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА	20

Мониторинг экономической ситуации в России

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., May В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редактор: Гуревич В.С.

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
имени Е.Т. Гайдара

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19(80) 2018

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2018. № 19 (80). Ноябрь / Абраамова Е., Каукин А., Логинов Д., Миллер Е., Хромов М., Худько Е., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., May В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 20 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2018_19-80_November.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

После пенсионного проекта второй по активности обсуждения, вероятно, стала «бензиновая» проблематика. Марафон согласований, компромиссов, уступок и предупреждений достиг промежуточного финиша благодаря тому, что российское руководство решило больше не уговаривать крупнейших участников рынка поступиться частью экспортной сверхприбыли ради стабилизации внутренних цен на топливо. После многомесячных обсуждений сформулирован непривычно жесткой ультиматум: либо немедленное введение заградительных пошлин на экспорт нефти, либо согласие на фактическую заморозку цен по крайней мере до конца 2018 г. (с удержанием их в пределах общей инфляции до апреля 2019 г.).

При очевидной «нерыночности» такой меры иного способа остановить болезненный процесс бензиновой инфляции, превратившейся в социальный вызов, скорее всего, уже не оставалось. Что, естественно, не распутало клубок проблем, включающий в том числе незавершенный и постоянно корректируемый нефтяной налоговый маневр, интересы и влиятельность крупнейших нефтекомпаний, зависимость «независимых» АЗС и НПЗ, непредсказуемость мировой нефтяной конъюнктуры, привязанной сегодня к геополитике сильнее, чем в предыдущие годы. Хотя всерьез распутывать его за счет стопроцентного регулирования рынка невозможно, да и бесперспективно, иллюзорными выглядят и попытки найти выход исключительно в либерализации этого сегмента российской экономики с его более чем своеобразными структурой и администрированием. Не говоря уже о том, что в случае падения мировых цен на нефть привлекательность экспорта и, соответственно, угроза оголения внутреннего рынка резко снижаются.

По-прежнему не слишком очевидными выглядят налоговые перспективы не только в нефтяном секторе (где, кроме прочего, все более ярким становится противоречие между желанием не допускать роста бензиновых цен и продолжать повышать топливные акцизы, которые ранее планировали снижать). Возродившееся намерение вернуться к сопоставлению налоговой нагрузки в разных отраслях, естественно, воспринимается как свидетельство того, что конструкция в целом еще далека от завершения. А это, в свою очередь, вряд ли стимулирует инвестиционную активность компаний.

Впрочем, наши эксперты все же фиксируют (по итогам трех кварталов 2018 г.) ускорение роста банковского кредитования корпоративных заемщиков, преимущественно за счет рублевых кредитов нефинансовых организаций. На 1 октября суммарный долг российских предприятий перед банками достиг 31,9 трлн руб., увеличившись за первые 9 месяцев на 6,5%. Причем рублевые кредиты росли в 1,5 раза быстрее, чем годом ранее, а валютные продолжали сокращаться. Зато на рынке облигаций активность снижалась (особенно на фоне крупных займов, которые в

предыдущие годы совершали такие компании, как «Роснефть» или «Газпром»). В итоге к октябрю по сравнению с началом 2018 г. доля облигационных займов в общем объеме привлеченных заимствований снизилась более чем на 1 п.п., составив 22,8%.

Хотя в целом с начала года динамика промышленного производства в РФ оказалась позитивной (в конце II квартала Росстат пересматривал соответствующие данные), в III квартале промышленность, прежде всего, в обрабатывающих секторах, вернулась к оклонулевому росту. В этом же квартале произошло значительное сокращение импорта, особенно заметное в машиностроении, пищевой и химической индустрии. Эксперты Института Гайдара полагают, что пока нет оснований говорить о падении общего спроса в экономике, поскольку оно не сопровождалось снижением производства. По их предположению, сокращение закупок могло быть вызвано ослаблением рубля весной-летом 2018 г. и соответствующим удорожанием импорта, переходом с импортных на отечественные товары, окончанием некоторых инвестиционных проектов.

Сопоставляя данные многолетнего мониторинга российской промышленности, который проводится в Институте Гайдара, исследователи приходят к выводу: в разные периоды постсоветской экономической истории, включая и кризисные, наблюдается устойчивая зависимость между размерами предприятий и их способностью адаптироваться к текущей экономической ситуации. Крупнейшие предприятия (более 1000 работников) адаптируются лучше всех остальных, и особенно малых и средних (менее 250 чел.). Последние опросы в январе-сентябре 2018 г. это также подтверждают.

Новые данные Мониторинга социального самочувствия населения ИНСАП (сентябрь 2018 г.) свидетельствуют, что наибольшее социальное напряжение связано со сферой занятости. Потери работы, снижения зарплаты и т.п. опасается почти четверть занятых. Неудовлетворительно оценивают различные стороны жизнедеятельности более четверти опрошенных, примерно столько же – положительно. Доля тех, кто видит для себя возможности самореализации в сложившихся социально-экономических условиях, почти вдвое превосходит тех, которые подобных возможностей не видят. При этом прослеживается вполне логичная зависимость социального самочувствия и возможностей самореализации от того, в каких доходных и возрастных группах находятся респонденты.

1. ЗАИМСТВОВАНИЯ КОРПОРАЦИЙ: УСИЛЕНИЕ РОЛИ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

М.Хромов, Е.Худько

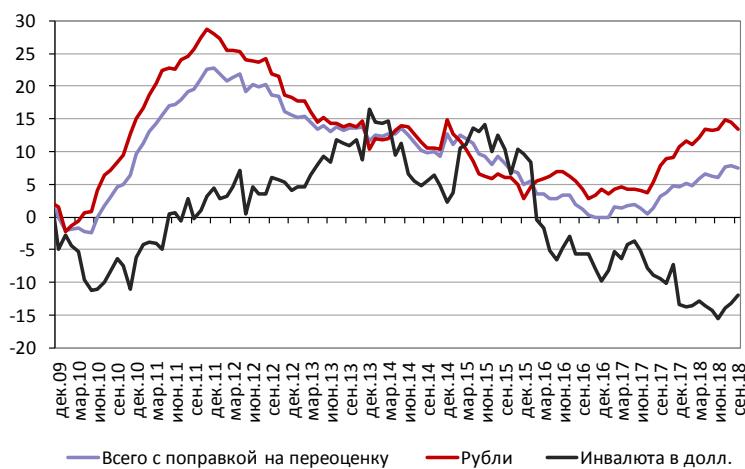
В 2018 г. постепенно ускоряется рост банковского кредитования корпоративных заемщиков, преимущественно за счет рублевых кредитов нефинансовым организациям. Резко замедлилась динамика внутреннего облигационного рынка в связи с сокращением новых займов НК «Роснефть». Доля облигационных займов в привлекаемых на внутреннем рынке заемных ресурсах в 2018 г. снижается.

Кредитная задолженность корпоративных заемщиков перед российскими банками за 9 месяцев 2018 г. увеличилась на 1,9 трлн руб. (на 6,5% от объема банковских кредитов корпоративным заемщикам на начало этого года, *рис. 1*). Суммарный долг российских предприятий перед банками на 1 октября 2018 г. достиг 31,9 трлн руб. По сравнению с аналогичным периодом 2017 г. прирост кредитной задолженности корпораций увеличился более чем на 80%. Годом ранее корпоративный кредитный портфель российских банков вырос на 1,0 трлн руб. (3,7%).

Задолженность корпоративных заемщиков по рублевым кредитам банков увеличилась за три квартала 2018 г. на 2,1 трлн руб., что в 1,5 раза больше, чем годом ранее. Задолженность корпораций по банковским кредитам в иностранной валюте продолжает сокращаться. Она достигала максимума в середине 2015 г. (137 млрд долл.), в дальнейшем корпорации последовательно снижали свой инвалютный долг перед банками. С января по сентябрь 2018 г. он уменьшился на 3,8 млрд долл., по итогам сентября текущего года объем инвалютных кредитов составил около 100 млрд долл.

Годовые темпы роста кредитной задолженности в III квартале 2018 г. достигли 7,5–8,0%, что соответствует уровню 2015 г. и отстает от показателей 2011–2013 гг. При этом годовые темпы роста рублевых кредитов (14–15%) практически вышли на докризисный уровень (2013 г. – 15,1%). Таким образом, темпы роста общего объема долга корпораций перед банками отстают от докризисного уровня благодаря продолжающемуся сжатию кредитов в иностранной валюте.

Наибольший вклад в ускорение корпоративного

Rис. 1. Прирост задолженности корпоративных заемщиков по банковским кредитам к соответствующей дате предшествующего года, %

Источник: Банк России, расчеты авторов.

Мониторинг экономической ситуации в России

Рис. 2. Прирост объема облигационных займов, выпущенных нефинансовыми и другими финансовыми организациями (по итогам за квартал), %

Источник: Банк России, расчеты авторов.

банковского кредитования с начала 2018 г. внесли кредиты нефинансовым предприятиям. Эта категория заемщиков увеличила свой долг перед банками на 1,4 трлн, что почти в 3 раза больше по сравнению с годом ранее (0,5 трлн руб.). Тем не менее темпы роста задолженности нефинансовых организаций перед банками остаются все еще низкими. За три квартала 2018 г. долг нефинансовых организаций вырос на 5,5% (годом ранее – на 1,8%).

В то же время финансовые организации в 2018 г. значительно замедлили привлечение банковских кредитов. Если за первые три квартала 2017 г. они увеличили долг перед банками на 0,6 трлн руб. (или на 21,4%), то за аналогичный период 2018 г. – на 0,5 трлн руб. (или 13,2%).

Заемствования корпоративных эмитентов¹ на внутрироссийском облигационном рынке на протяжении трех кварталов 2018 г. демонстрировали слабоположительную тенденцию, уступая показателям предыдущего года (рис. 2). Тем не менее совокупный объем корпоративных заимствований на конец III квартала текущего года стал рекордным за всю историю облигационного рынка в России, достигнув почти 9,4 трлн руб.

Основной вклад в прирост задолженности по облигациям во II и III кварталах 2018 г., в отличие от аналогичного периода 2017 г., обеспечили эмиссии облигаций в иностранной валюте. При этом объем рублевого рынка корпоративных эмитентов с начала года оставался практически неизменным. Подобная растущая тенденция валютного сегмента внутреннего облигационного рынка во многом обусловлена существенным ростом валютного курса с апреля текущего года. Тем не менее доля задолженности по валютным займам на конец III квартала составляла менее 6% от корпоративного сегмента внутреннего облигационного рынка.

В текущем году на рынке первичных размещений наблюдается снижение активности: совокупный объем размещенных эмиссий за три квартала 2018 г. сократился более чем на треть по сравнению с аналогичным

1 Без учета кредитных организаций, но включая другие финансовые и страховые организации.

1. Заемствования корпораций: усиление роли банковского кредита

периодом предыдущего года (относительно аналогичного периода 2016 и 2015 гг. показатель оказался ниже на 25–30%).

Как следует из рис. 3¹, крупнейшим заемщиком в рассматриваемом периоде стало ПАО «Сбербанк», хотя в аналогичные периоды предыдущих лет лидерами были производственные компании ПАО «НК «Роснефть» и группа компаний «Газпром». Это отражает общую тенденцию изменения структуры заемщиков на первичном рынке: если за первые три квартала 2017 г. на долю компаний нефинансового сектора приходилось более половины внутренних займов, то по итогам трех кварталов текущего года доля нефинансового сектора составила около 46%. В любом случае, если исключить эмиссию указанных компаний, то падение объема первичного рынка оказывается еще более значительным.

Отдельно необходимо сказать о динамике средневзвешенной доходности корпоративных облигаций. К началу II квартала 2018 г. доходность облигаций, входящих в индекс IFX-Cbonds, достигла минимальных значений с начала 2014 г. Однако затем начался период постепенного роста, что во многом сказалось на падении активности эмитентов на первичном рынке. Соответствующая динамика доходности в свою очередь связана с ухудшением макроэкономических показателей. Тем не менее следует акцентировать внимание на том, что после повышения ключевой ставки ЦБ РФ доходность не превысила 9%, тогда как, например, во II квартале 2014 г., при аналогичной ключевой ставке, доходность держалась на уровне в среднем почти 9,5%.

Таким образом, в настоящее время вложения в облигации российских корпоративных эмитентов характеризуются меньшими инвестиционными рисками по сравнению с кризисным 2014 г. В пользу этого мнения свидетельствуют утверждение в последние месяцы некоторыми крупными эмитентами программ облигаций (в частности, ОАО «РЖД», АО «Газпромбанк», ПАО «МОЭК», ГК «Автодор», ПАО «НГК «Славнефть» и др.), а также планы ряда небольших компаний (например, «Гемабанк», «Сибстекло», «Росморпорт») по выпуску дебютных эмиссий.

Кроме того, на внутреннем облигационном рынке за первые три квартала 2018 г. было размещено несколько валютных выпусков, хотя их совокупный объем составил всего 565 млн долл., что можно объяснить

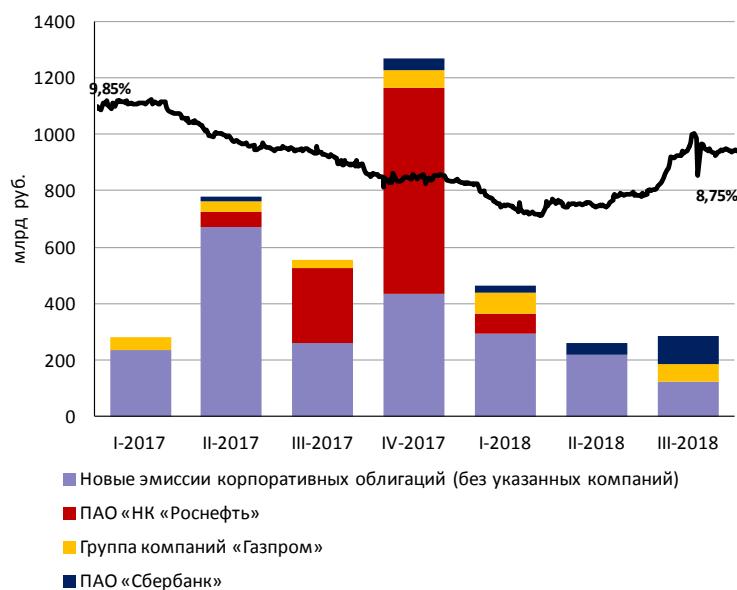

Рис. 3. Динамика эффективной доходности облигаций, входящих в индекс IFX-Cbonds, и объема размещения новых рублевых выпусков облигаций финансовых и нефинансовых организаций
Источник: Информационное агентство Cbonds, расчеты авторов.

1 Статистика приведена без учета краткосрочных биржевых облигаций ВТБ и Внешэкономбанка со сроком обращения от 1 до 85 дней.

возросшими валютными рисками. Наиболее крупные размещения провели ПАО «Совкомбанк» (две эмиссии на сумму 250 млн долл. в I квартале) и институт развития – ПАО «Государственная транспортная лизинговая компания» (одна эмиссия объемом 150 млн долл. во II квартале).

В последние месяцы на рынке расширилось представительство структурированных облигаций, выпущенных финансовыми институтами. Наибольший объем таких эмиссий составляют выпуски облигаций ПАО «Сбербанк». В качестве базового актива, к которому привязан дополнительный доход по ценной бумаге в разных эмиссиях, выступают облигационные индексы (в частности, NXS Bond Fund Stars ER Index), биржевые фонды (например, ETF SPDR GOLD SHARES, SDPR S&P 500 ETF TRUST, ETF ISHARES 20+ YEAR TREASURY BO), сырьевые товары (медь, никель, палладий), акции крупнейших производственных компаний (ING Groep NV, Apple Inc., Facebook и др.), американские депозитарные расписки на свои же акции. Однако с учетом недостаточно благоприятной конъюнктуры рынка банку не удалось полностью разместить заявленные объемы бумаг.

Общий объем корпоративных заимствований на внутреннем финансовом рынке по итогам сентября 2018 г. достиг 41,3 трлн руб. Доля облигационных в общем объеме привлеченных заимствований составила по итогам III квартала 2018 г. 22,8%, снизившись с начала года более чем на 1 п.п.

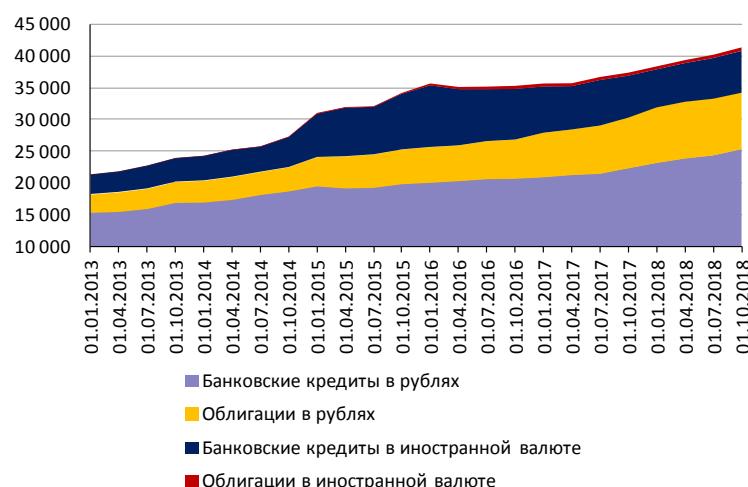

Рис. 4. Объем задолженности российских предприятий и организаций по банковским кредитам и внутренним облигационным займам, млрд руб.

Источник: Банк России, расчеты авторов.

2. ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В III КВАРТАЛЕ 2018 ГОДА: ОКОЛОНУЛЕВОЙ РОСТ¹

А.Каукин, Е.Миллер

В III квартале 2018 г. промышленное производство вернулось к оконулевому росту, прежде всего, в обрабатывающем секторе. В ряде отраслей небольшая положительная динамика может быть частично связана с мерами государственной поддержки. В этом же квартале наблюдалось сокращение импорта, особенно заметное в пищевой, машиностроительной и химической отраслях. Однако оно не сопровождалось падением объемов промышленного производства, что не дает пока оснований говорить о снижении общего уровня спроса в экономике.

В конце II квартала 2018 г. Росстат пересмотрел данные по динамике промышленного производства. Темпы роста около ноля, наблюдавшиеся в начале года, сменились положительными, в основном за счет добывающего сектора и обрабатывающей промышленности, а именно производства стройматериалов, сырья и материалов для отраслей деревообработки, производства нефтепродуктов и черной металлургии².

Однако в III квартале можно говорить об оконулевой динамике производства. При этом было зафиксировано рекордное сокращение импорта в пищевой, химической и машиностроительной отраслях: на 3,7% по сравнению со II кварталом 2018 г. Исторически подобная ситуация наблюдалась при экономическом спаде, например, в 2009 г. и 2014 г., когда из-за девальвации рубля дорожали импортные товары, падал выпуск промышленных предприятий, сокращались доходы населения, снижался потребительский и инвестиционный спрос.

Возможными причинами падения импорта могут быть:

1. Снижение общего уровня спроса (на отечественные и импортные товары);
2. Реакция экономических агентов на падение курса рубля весной-летом 2018 г. и соответствующее удорожание в рублевом выражении импортных материалов, комплектующих и товаров конечного потребления, от которых традиционно зависит российская экономика и, в частности, промышленное производство. Следствием этого стало сокращение спроса на импорт или частичный переход с импортных на отечественные товары;
3. Значительное снижение импорта инвестиционных товаров после завершения крупных государственных строек и инвестиционных проектов.

¹ Авторы выражают признательность М. Турунцевой и Т. Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

² Каукин А., Миллер Е. Динамика промышленного производства в первом полугодии 2018 г.: новый пересмотр статистики Росстатом // Экономическое развитие России. 2018. № 8. С. 25–29.

Динамику промышленного производства можно рассматривать как один из индикаторов, позволяющих сделать выводы относительно наиболее вероятных из перечисленных выше причин сокращения импорта: снижение промышленного производства будет дополнительным аргументом в пользу падения общего уровня спроса, которое может свидетельствовать о предкризисных явлениях в экономике.

Для анализа динамики индексов промышленного производства экспертами Института Гайдара на основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом, были проведены декомпозиция и выделение трендовой составляющей рядов¹.

На рис. 1–3 и в табл. 1 представлены результаты обработки рядов. Видно, что за последние три месяца (июль–сентябрь 2018 г.) промышленное производство в целом и обрабатывающая промышленность снизили темпы роста и вернулись к околонулевым.

Добывающая промышленность на рассматриваемом промежутке уверенно растет за счет наращивания добычи сырой нефти в результате послаблений в рамках сделки ОПЕК², а также продолжения роста экспорта природного газа, связанного со снижением в Европе как его

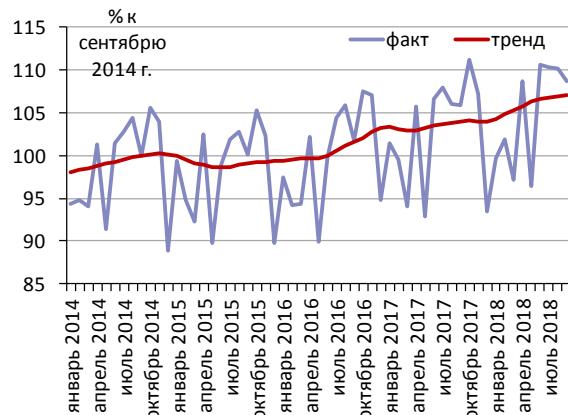

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2018 гг. (фактические данные и трендовая компонента)

Рис. 2. Динамика индекса производства в обрабатывающей промышленности и добычи полезных ископаемых в 2014–2018 гг. (фактические данные и трендовая компонента)

1 Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

2 Добыча ОПЕК+ растет с мая 2018 г. после объявления о санкциях США против Ирана, стремительного падения объемов добычи в Венесуэле, Мексике и ряде стран Африки в основном за счет прироста добычи в Саудовской Аравии и в России. Данные меры были приняты для избежания катастрофического дефицита на рынке нефти. ОПЕК+ обсудит в Алжире квоты на рост добычи на фоне внутренних разногласий// ТАСС. 22.09.2018. [https://tass.ru/ekonomika/5592670]

2. Промышленное производство в III квартале 2018 года: окончательный рост

запасов в хранилищах, так и добычи. Рост цен на природный газ в странах Европейского союза, а также удорожание нефти увеличивают спрос на альтернативные источники генерации энергии¹, что может существенно повлиять в последующих периодах на динамику добычи полезных ископаемых.

В обрабатывающем производстве сохраняется динамика конца II квартала 2018 г. Стабильно показывают рост с конца 2017 г. пищевая промышленность, текстильное производство, металлургия. Замедлились темпы роста химической промышленности, которая на протяжении нескольких лет являлась лидером роста. Возможно, это связано с методом обработки данных², требующим новой информации для окончательной оценки динамики трендовой составляющей ряда. Например, при обработке данных в конце II квартала 2017 г. рост трендовой составляющей индекса химического производства сменился на спад³, который в дальнейшем при оценке с учетом данных за III квартал вернулся к положительным темпам роста⁴.

Несмотря на антироссийские санкции и введение импортных пошлин на сталь и алюминий, металлургическое производство в III квартале 2018 г. продолжало расти (116,9% к декабрю 2017 г.). Рост связан с государственными мерами поддержки, направленными на повышение спроса. В частности, компанией ОАО «РЖД» была введена скидка в размере 25% на транспортировку алюминия и алюминиевой катки на ряде маршрутов внутри страны, а также на экспортных направлениях. Также в сентябре 2018 г. были внесены изменения в ряд регламентов, снимающие ограничения по использованию алюминиевой проводки при строительстве многоэтажных домов.

Продолжают демонстрировать рост за счет мер государственной поддержки железнодорожное машиностроение (грузовых и пассажирских вагонов), производство легковых автомобилей, пищевая промышленность: 104,5, 135,6, 110,2% соответственно к сентябрю 2017 г.

Таким образом, динамика промышленного производства свидетельствует о том, что индексы объемов производства отраслей, ориентированных на отечественных потребителей, в частности тех, за счет которых произошло серьезное сокращение объемов импорта (пищевой промышленности и машиностроения), сохраняют положительные темпы роста с начала года⁵ (еще один сектор, в котором наблюдалось сокращение импорта – химическое производство – стагнирует последние месяцы). Это можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что существенного снижения общего спроса в экономике на данный момент не

1 По данным Института проблем естественных монополий (ИПЕМ), потребление газа для генерации электроэнергии в Германии, Италии, Испании и Франции суммарно снизилось на 9% к январю-сентябрю 2017 г., доля «зеленой генерации» выросла на 17%.

2 Проблема «виявляющего хвоста». См.: Моргунова, О.В., Скроботов, А.А., Турунцева, М.Ю. (2016). Проблемы сезонной корректировки данных. Российское предпринимательство, 17(1), 115–124.

3 Каукин А.С., Миллер Е.М. Российская промышленность в середине 2017 г. // Экономическое развитие России. 2017. № 9. С. 29–32.

4 Каукин А.С., Миллер Е.М. Динамика промышленного производства в 2017 г. // Экономическое развитие России. 2018. № 3. С. 30–33.

5 Тем не менее необходимо принимать во внимание тот факт, что рост зачастую демонстрируют отрасли, которые получают государственную поддержку.

Мониторинг экономической ситуации в России

наблюдается¹, а падение импорта может быть объяснено комбинацией влияния падения курса рубля и снижения спроса на товары инвестиционного назначения. Для более определенных выводов необходим дальнейший мониторинг динамики импорта и промышленного производства.

Таблица 1
ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ
В 2018 Г., %

	Доля в индексе промышленного производства	Сентябрь 2018 г. к сентябрю 2017 г.	Сентябрь 2018 г. к декабрю 2017 г.	Изменения последних месяцев (июль-сентябрь 2018 г.)
Индекс промышленного производства		102,97	102,96	стагнация
Добыча полезных ископаемых	34,54	104,01	104,39	рост
Обрабатывающие производства, в том числе:	54,91	102,89	102,52	стагнация
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака				
текстильное и швейное производство	1,14	113,71	110,02	рост
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	98,70	97,27	медленный спад
обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	112,56	112,15	рост
целлюлозно-бумажное производство	3,35	89,11	91,57	спад
производство кокса, нефтепродуктов	17,25	101,69	101,25	стагнация
химическое производство	7,56	112,67	109,78	стагнация
производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	107,98	103,81	медленный рост
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	111,67	108,83	стагнация
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	120,48	116,91	рост
производство машин и оборудования	6,97	104,47	102,67	рост
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	6,27	96,93	99,96	стагнация
производство транспортных средств и оборудования	6,75	135,63	126,41	рост
прочие производства	2,42	108,08	105,41	стагнация
Электроэнергия, газ и вода	13,51	100,68	100,65	стагнация

Источник: Росстат, расчеты авторов.

¹ Кроме того, согласно данным Росстата, несмотря на стагнацию потребительских доходов в III квартале, спрос населения при низкой безработице продолжает расти, также растет показатель реальной зарплаты и объемов кредитования. См. Петухова Л. Предвестники кризиса. Экономисты усмотрели опасность в падении импорта // Форбс. 2018. URL: <http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/367989-predvestnik-krizisa-ekonomisty-usmotreli-opasnost-v-padenii-importa>

3. ИНДЕКС АДАПТАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ: КРУПНЫЕ ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ ЛУЧШЕ

С.Цухло

Индекс адаптации промышленных предприятий в разные периоды развития российской экономики свидетельствует о том, что самые крупные лучше приспосабливаются к внешним условиям. Малые и средние – адаптируются хуже. Это подтверждают и данные за январь–сентябрь 2018 г.

Индекс адаптации (нормальности) промышленности рассчитывается лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара с конца 2015 г. Этот сводный показатель строится как среднее арифметическое доли предприятий, оценивающих в качестве «нормальных» запасы готовой продукции, сырья и материалов, имеющиеся мощности, количество работников, финансово-экономическое положение. Индекс таким образом показывает, насколько промышленность адаптировалась к текущим экономическим условиям.

Опросы Института Гайдара позволяют рассчитывать Индекс ежеквартально с 1994 г. и демонстрируют, насколько российская промышленность смогла адаптироваться ко всем этапам экономических реформ, в том числе по такому критерию, как размер предприятий. В данном случае используются следующие группы: малые и средние предприятия – с численностью занятых до 250 человек, крупные – от 251 до 1000 человек и очень крупные – свыше 1000 человек (см. рис. 1).

Как показывают наши расчеты, сложнее всего было адаптироваться к экономическим реалиям последних 25 лет малым и средним предприятиям российской промышленности. Исключениями стали 90-е годы прошлого столетия и кризис 2008–2009 гг., когда предприятия всех размеров оценивали свое состояние одинаково негативно – имели низкую долю «нормальных» оценок своих основных показателей. Но как только российская промышленность выходила из кризисов, Индексы адаптации (нормальности) начинали демонстрировать расслоение предприятий по размерам, причем с постоянным ранжированием: лучше всего в некризисные периоды чувствовали себя очень крупные предприятия, хуже – крупные, очень плохо – малые и средние.

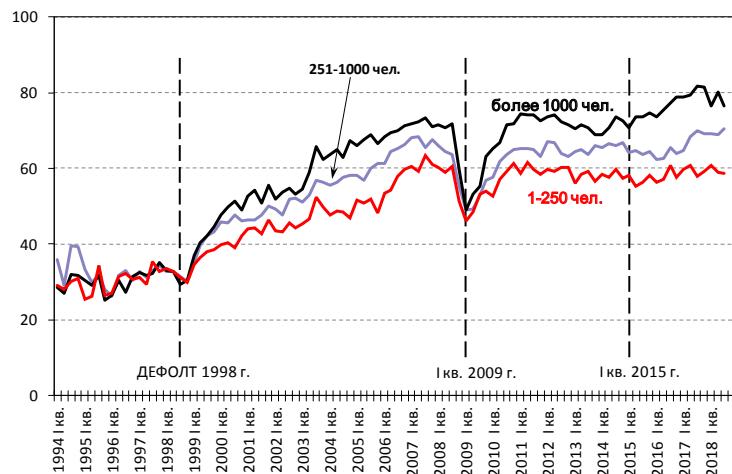

Рис. 1. Индексы адаптации по размерам предприятий, 1994–2018 гг., %
(доля предприятий, оценивающих свои основные показатели
как «нормальные»)

Ситуация в экономике в 2015–2016 гг. не оценивалась как кризис ни одной из рассматриваемых групп российских промышленных предприятий. Индекс нормальности как в целом, так и для предприятий разных размеров не претерпел в I квартале 2015 г. существенного снижения. Показатели остались в границах прежних значений и сохранили предшествующий уровень расслоения в зависимости от размера предприятий.

2016-й год не внес принципиальных изменений ни в динамику Индексов нормальности по размерам предприятий, ни в различия между рассматриваемыми группами. «Нормальным» 2016 г. стал для 58% малых и средних предприятий, для 64% крупных и для 76% очень крупных.

2017-й год улучшил условия функционирования всех групп. Среди очень крупных предприятий Индекс нормальности достиг 82% (предыдущий квартальный максимум был получен в 2016 г. и составлял 79%), среди крупных – 70% (предыдущий квартальный максимум был получен в 2007 г. и составлял 68%). Лучший результат малых и средних предприятий в 2017 г. был равен лишь 59% и не смог превзойти показатель 2007 г.

Торможение в 2018 г. процесса выхода из кризиса снизило удовлетворенность российской промышленности условиями функционирования, причем в основном за счет оценок очень крупных предприятий. Итоги уже I квартала этого года привели к сокращению удовлетворенности результатами среди флагманов российской промышленности: Индекс нормальности опустился до 76%, потеряв 6 пунктов. Такого сокращения данного показателя не было с периода начала кризиса 2008–2009 гг. Во II квартале 2018 г. оценки нормальности текущего положения в этой группе предприятий восстановились до 80%, но в III квартале вновь снизились до 77%. Сектор очень крупных промышленных предприятий определенно начал испытывать проблемы в 2018 г. Предприятия других размеров продемонстрировали лучшую приспособляемость к условиям 2018 г., сохранив значения своих Индексов практически на уровне предыдущего года.

Основной причиной снижения Индекса адаптации в группе очень крупных предприятий стали проблемы со сбытом. Только 65% крупнейших производителей промышленной продукции считали объемы сбыта «нормальными» на протяжении всех трех кварталов 2018 г. Предприятия же других размеров в первые три квартала 2018 г. повысили степень удовлетворенности объемами сбыта своей продукции: малые и средние – с 32 до 36%, крупные – с 42 до 52%. Но даже такой прогресс не позволил этим группам производителей подняться на уровень адаптации крупнейших российских компаний. Субъективные оценки объемов продаж вполне коррелируют с объективными данными о загрузке производственных мощностей. Малые и средние промышленные предприятия использовали свои мощности на 52%, крупные – на 66%, очень крупные – на 70%.

Если в 2017 г. в среднем имеющиеся мощности считали «достаточными в связи с ожидаемыми изменениями спроса» 81% крупнейших производителей (в III квартале даже 87%), то в 2018 г. удовлетворенность имеющимися мощностями снизилась до 74%. При этом выросли оценки как избыточных, так и как недостаточных мощностей. Последнее говорит о росте непонимания предприятиями перспектив выхода из кризиса. Крупные заводы оценивали свою обеспеченность мощностями как «нормальную» в 70% случаев, малые и средние – в 65%. Данные

3. Индекс адаптации предприятий: крупные приспосабливаются лучше

об избыточности мощностей подтверждают тезис о лучшем положении крупнейших промышленных предприятий. Если избыточные мощности в связи с ожидаемыми изменениями спроса в 2018 г. имеют 26% малых и средних предприятий, то среди крупных предприятий таковых 22%, а среди крупнейших – только 13%.

Оценки крупнейшими предприятиями в 2018 г. численности работников тоже отражают сложности в понимании экономических перспектив. Если квартальные оценки достаточности кадров в 2017 г. находились в пределах 82–88%, то в 2018 г. границы этого интервала расширились до 74–89%. Аналогичные изменения произошли и с оценками численности работников как избыточной, так и недостаточной. Предприятия других рассматриваемых нами размеров в течение трех кварталов 2018 г. снижали свои оценки достаточности работников – в основном за счет роста оценок их численности как избыточной.

Вместе с тем затягивающийся выход из кризиса заставляет крупнейшие предприятия с осторожностью подходить к формированию запасов готовой продукции и не прибегать к поддержанию их на уровне небольшого избытка, характерного для периодов уверенности в устойчивом росте спроса. Аналогичной политики придерживаются и крупные предприятия, избавившиеся в 2018 г. от небольшого оптимистичного избытка запасов, который они поддерживали годом ранее. Малые и средние предприятия никогда не отличались высоким оптимизмом относительно перспектив сбыта продукции и в лучшие периоды российской экономической истории оценивали свои запасы как недостаточные, не рискуя иметь даже скромные и необходимые в таких случаях излишки. Однако вялая динамика 2018 г. позволила им довести долю «нормальных» оценок до рекордных для себя 60%.

Малые и средние предприятия хуже всего обеспечены запасами и сырья, и материалов. Особенно с 2012 г., когда в промышленности началось торможение выхода из кризиса 2008–2009 гг. В такой ситуации эта группа предприятий не имела ресурсов для поддержания высокой обеспеченности своего производственного цикла запасами сырья и материалов. Доля их «нормальных» оценок снизилась с 67% в 2011 г. до 55% в 2013 г. Затем, по мере адаптации к особенностям того периода, доля «нормальных» оценок стабилизировалась в интервале 58–60%. При этом другие группы предприятий оценивали свои запасы сырья на 70–80%-м уровне «нормальности».

Подводя итог анализу адаптации промышленных предприятий к условиям первых трех кварталов 2018 г., можно сделать следующие выводы. Во-первых, крупнейшие предприятия по-прежнему демонстрируют самую высокую приспособляемость к экономическим реалиям этого непростого периода, хотя и стали испытывать затруднения в оценке перспектив окончательного преодоления негатива предыдущих лет. Во-вторых, оценки ситуации 2018 г. предприятиями других размеров более стабильны. В-третьих, малые и средние предприятия с момента выхода из кризиса 2008–2009 гг. хуже всего оценивают свое экономическое положение.

4. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ: РАССЛОЕНИЕ ДОХОДНЫХ И ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Е.Авраамова, Д.Логинов

Мониторинг социального самочувствия населения (сентябрь 2018 г.) свидетельствует, что наибольшие социальные проблемы связаны с ситуацией в сфере занятости: потери работы и/или снижения зарплаты опасается почти четверть занятых. Неудовлетворительно оценивают различные стороны жизнедеятельности более четверти опрошенных, примерно столько же – положительно. Доля тех, кто видит для себя возможности самореализации в сложившихся социально-экономических условиях, почти вдвое превосходит численность групп, которые таких возможностей не видят.

Согласно данным Мониторинга ИНСАП РАНХиГС¹, наибольшие по численности группы населения относительно высоко оценивают свои возможности питаться и приобретать предметы первой необходимости. Эти два параметра оценили более чем удовлетворительно более половины опрошенных, однако по остальным индикаторам оценку «хорошо» дают менее половины респондентов. Параметр, по которому выражена наибольшая напряженность, характеризует занятость респондентов – устойчивость рабочего места и размер оплаты труда. На второе место по степени озабоченности вышла экологическая ситуация (рис. 1).

Различия достаточно существенны: наиболее высокие оценки удовлетворенности ситуацией на рынке труда дают представители самой молодой группы, самые низкие – работники 45 лет и старше.

Рис. 1. Оценка параметров социального самочувствия

¹ Мониторинг социального самочувствия населения реализуется Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС с 2015 г. В течение каждого года по репрезентативной для взрослого населения России сопоставимой выборке методом личного анкетного интервью проводятся по 8 волн социологического опроса. Объем выборки – 1600 респондентов в каждой волне.

4. Социальное самочувствие и возможности самореализации

Наиболее заметные различия фиксируются в зависимости от принадлежности к доходным группам, разница в оценках возможностей питаться и одеваться составляет 50–60% (табл. 1). В оценках среды обитания также имеются существенные различия (до 30%). Это, возможно, связано с тем, что наиболее обеспеченные сограждане способны выбирать, где им жить. Дифференциация оценок уровня безопасности также достигает 30%. Различия в характеристиках экологической ситуации тоже заметны, но не столь велики (15%). Между тем, разница в оценках ситуации в сфере занятости между наиболее и наименее обеспеченными доходными группами составляет 45%.

Таблица 1

ОЦЕНКА ПАРАМЕТРОВ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ, ПО ГРУППАМ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ, % ПО СТРОКЕ

Группы материальной обеспеченности	Оценка удовлетворенности			
	хорошо	удовлетворительно	плохо	затруднились ответить
Питание				
Ниже среднего	39,6	50,8	9,0	0,6
Средняя	74,4	23,8	1,4	0,4
Выше среднего	90,1	9,3	0,6	0,0
Одежда				
Ниже среднего	28,2	58,8	12,7	0,3
Средняя	66,1	31,8	1,6	0,6
Выше среднего	91,9	7,5	0,0	0,6
Населенный пункт				
Ниже среднего	31,0	44,3	23,6	1,1
Средняя	49,1	40,4	9,3	1,2
Выше среднего	59,9	27,8	11,1	1,2
Уровень безопасности				
Ниже среднего	38,2	44,1	14,0	3,7
Средняя	56,3	37,3	4,2	2,2
Выше среднего	71,0	24,7	3,1	1,2
Экологическая ситуация				
Ниже среднего	31,5	39,7	28,2	0,6
Средняя	40,2	43,8	15,4	0,5
Выше среднего	46,3	37,0	15,4	1,2
Работа и зарплата (% от числа работающих)				
Ниже среднего	21,6	39,7	34,6	4,1
Средняя	45,0	39,3	11,7	4,0
Выше среднего	68,5	21,5	7,7	2,3
Возможность выражать политические взгляды				
Ниже среднего	31,1	35,9	22,1	10,9
Средняя	47,8	34,6	9,8	7,9
Выше среднего	58,0	24,1	13,0	4,9

Чтобы выделить группы, различающиеся по уровню оценок различных сторон социально-экономической ситуации (рис. 2), поместим в «красную зону» тех, кто дал положительные оценки только по одному признаку или ни по одному из них не дал положительной оценки. Таких, как следует из опроса, 27,7% населения. В «желтой зоне», характеризующей относительную удовлетворенность, находится 43,8% населения. Это те, кто дал положительные оценки двум-четырем параметрам.

Мониторинг экономической ситуации в России

И, наконец, 28,5% населения располагаются в «зеленой зоне», положительно оценивая от пяти до семи параметров.

Рассмотрим также мнения респондентов относительно возможности собственной реализации в сложившихся социально-экономических условиях. Вопрос о самореализации был задан в широком смысле, чтобы понять, как респондентам представляются собственные возможности достижения того уровня и качества жизнедеятельности, на который они внутренне претендуют. В соответствии с полученными данными респонденты поделились в соотношении примерно 2:1 – число тех, кто видит для себя возможности самореализации, почти вдвое превышает по численности группу, которая таких возможностей не видит (табл. 2).

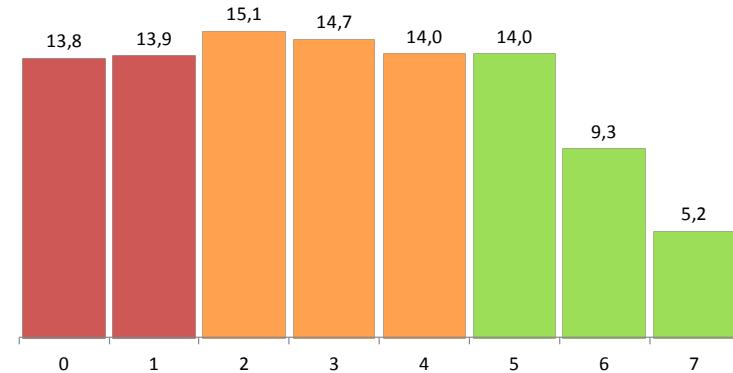

Рис. 2. Количество индикаторов социального самочувствия, оцененных «хорошо»

Таблица 2

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ, ПО ГРУППАМ
СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ, % ПО СТРОКЕ

Группы социального самочувствия	Оценка возможностей самореализации		
	скорее присутствуют	скорее отсутствуют	затруднились ответить
Красная зона	40,0	56,0	4,0
Желтая зона	58,4	37,0	4,6
Зеленая зона	81,8	14,7	3,5
В целом	60,0	36,9	4,1

Возрастные различия в этих оценках весьма значимы. Так, с переходом в каждую следующую возрастную группу численность тех, кто считает, что у них есть возможности реализовать себя, сокращается примерно на 10% (табл. 3).

Таблица 3

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ, ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ, % ПО СТРОКЕ

Возрастные группы (лет)	Оценка возможностей самореализации		
	скорее присутствуют	скорее отсутствуют	затруднились ответить
25–34	73,8	23,3	2,8
35–44	63,2	31,7	5,0
45–54	54,3	42,2	3,5
55–65	47,7	47,4	4,9
В целом	60,0	36,9	4,1

Различия в оценках представителей групп, дифференцированных по уровню образования, не слишком велики (разница между крайними группами составляет лишь 6%). Значительно серьезнее различия между группами, дифференцированными по размеру доходов. Здесь разница

4. Социальное самочувствие и возможности самореализации

между крайними группами составляет 44%, и численность тех, кто дает положительный ответ на вопрос о возможностях самореализации и представляет высокообеспеченных, вдвое превышает численность малообеспеченных.

Минимальная доля имеющих возможности самореализации (40%) находится в группе, которая не обладает ни материальными, ни социальными ресурсами, а максимальная (85%) – среди тех, кто в наибольшей степени ими обеспечен.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Авраамова Е., заведующая лабораторией исследований социального развития ИНСАП РАНХиГС

Каукин А., заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института Гайдара, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков Института отраслевых рынков и инфраструктуры РАНХиГС

Логинов Д., старший научный сотрудник лаборатории исследований социального развития ИНСАП РАНХиГС

Миллер Е., научный сотрудник лаборатории исследований отраслевых рынков и инфраструктуры ИПЭИ РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых исследований Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Худько Е., старший научный сотрудник лаборатории бюджетной политики Института Гайдара, доцент экономического факультета Института ЭМИТ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара